

УДК 321.01

О ХАРТЛЕНДЕ И РОЛИ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. На основе работ отечественных и зарубежных авторов показана связь географии и истории развития государств. Выделено геополитическое значение Евразии и евразийской «опорной территории». Определена роль России в теории «оси» Маккиндера. Сделан исторический обзор факторов российской вестернизации. Представлены причины обращения к азиатскому вектору. Территориально-географические предпосылки и накопленный культурно-исторический задел рассмотрены как потенциал для межгосударственного сотрудничества и посреднической роли России в Евразии.

Ключевые слова: географический фактор, хартленд, геополитика, евразийское сотрудничество.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2023). О хартленде и роли России в евразийском пространстве. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С.76-83. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.76-83

ABOUT THE HEARTLAND AND THE ROLE OF RUSSIA IN THE EURASIAN SPACE

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. Based on the works of domestic and foreign authors, the connection between geography and the history of the development of the state is shown. The geopolitical significance of Eurasia and the Eurasian «supporting territory» is highlighted. The place of Russia in Mackinder's «axis» theory is shown. A historical review of the factors of Russian Westernization is made. The reasons for turning to the Asian vector are presented. Territorial and geographical prerequisites and the accumulated cultural and historical background are considered as a potential for interstate cooperation and Russia's mediating role in Eurasia.

Keywords: geographic factor, heartland, geopolitics, Eurasian cooperation.

For citation: Solodova, G. S. (2023). About the Heartland and the Role of Russia in the Eurasian Space. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 76-83. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.76-83

Сегодняшняя ситуация кардинально отличается от той, что была во второй половине XX и начале XXI вв. Мир претерпевает коренную перестройку и реструктуризацию. Происходит изменение геополитического баланса, меняются роли региональных и глобальных факторов международной политики. Партнерские отношения приобретают большую подвижность и гибкость. Многие государства стоят перед геополитическим выбором, хотя, заметим, не у многих из них есть реальные варианты такого выбора.

Выглядевшие неоспоримыми и незыблемыми глобальные экономические взаимозависимости оказались не безальтернативными. Появились новые влиятельные геополитические игроки. Меняются стратегии и партнерские приоритеты, происходит переориентация международных контактов. Крайне важным в этих условиях оказывается поиск факторов и ресурсов, способствующих взаимодействию российского и евразийского экономического и социокультурного пространств.

Несмотря на научный и технологический прогресс, природно-географический фактор сохраняет свое значение, влияет на настоящее и будущее распределение международного влияния. Понимание его роли дает возможность более глубокой интерпретации происходивших и происходящих событий. Вопреки постмодернистскому сдвигу и появлению в конце 80-х гг. критической геополитики как альтернативы и способа оппонирования классическому географическому детерминизму, фактор географического пространства продолжает реализовываться в реальных политических практиках [Окунев, 2012, с. 152-158]. Сила государства во многом определяется географическими преимуществами, зависит от географического положения – континентального или морского. География служит основой для разработки геополитических стратегий и, как пишет Каплан, «чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок, не только принимая решения, когда вмешиваться, а когда не стоит этого делать, но и планируя военные операции, когда все-таки решим принять участие в конфликте» [Каплан, 2015, с. 19]. Учет и грамотное использование «вневременных» географических условий может служить инструментом в решении государственно-политических задач. И климат, и рельеф, и удаленность от морей влияют на менталитет народов и на геополитику страны. Главное утверждение статьи английского геолога и естествоиспытателя Джеймса Брайса «География в ее отношении к истории» состоит в том, что «человек в значительной степени является “творением окружающей среды”» [Маккиндер, 2021, с. 8].

Отцом современной геополитики считают британского географа и историка Хэлфрода Маккиндера (1861–1947), который полагал, что рациональная политическая география невозможна, если она «не опирается на физическую географию и не является ее следствием» [Маккиндер, 2021, с. 9]. С известной долей завершенности можно попытаться установить «связь между широкими географическими и историческими обобщениями». Выявление зависимостей, каузальных связей и даже формулы может помочь «вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политики» [Там же, с. 162-169]. В 1904 г. Маккиндер предложил теорию «оси» или концепцию евразийской «опорной территории». Это часть евразийского континента, которая включает в том числе Сибирь и большую часть Средней Азии. Границы опорной, осевой территории в дальнейшем менялись, однако во всех вариантах присутствует большая или меньшая часть Советского Союза, России. По мнению Маккиндера, евразийский «хартленд», является «географической осью» истории, основанием судеб мировых империй. Само понятие «хартленд» введено позднее (в 1915 г.) другим британским географом Дж. Фэйгивом.

Идея хартленда получила целевое развитие в «шахматной доске» Збигнева Бжезинского. После того, «как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества ... Превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства». Рассматривая евразийское пространство с точки

зрения американских интересов, Бжезинский пишет, что жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросить вызов Америке. По словам автора, «формулирование всеобъемлющей и последовательной евразийской геостратегии» стало целью книги, что только подчеркивает важность хартленда [Бжезинский, 1998, с. 2-26].

Работа Маккиндера вышла более ста лет назад, книге Бжезинского более четверти века. Однако обращение к ним неслучайно. Теории Маккиндера и Бжезинского нужны для понимания евразийской геополитики, в них дано ее обоснование, задано направление. Заметим, что за прошедшее время роль хартленда, а если точнее, то его восточной и азиатской части, лишь выросла. Сегодня в Евразии расположены наиболее динамично развивающиеся государства. Это политически и экономически активный регион, средоточие существенной доли экономической, политической и военной мощи, мирового влияния в целом. На евразийском пространстве реализованы различные форматы торгово-экономического сотрудничества, среди которых Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Экономический пояс Шелкового пути и др. При определенных условиях некоторые из этих объединений могут стать влиятельными и самодостаточными игроками не только на материке.

Создание межгосударственных политических союзов на основе территориального соседства, географического фактора не является чем-то новым. Напомним, что еще до начала второй мировой войны Франция была обеспокоена снижением центральной роли Европы в мировой политике. Позже, во времена холодной войны, эта обеспокоенность трансформировалась в недовольство англосаксонским господством и американизацией европейской культуры. Проект подлинной Европы, по словам Шарля де Голля, «от Атлантики до Урала», должен был исправить это положение. Главная задача по созданию единой и независимой Европы могла быть решена объединением Европы под руководством Франции с одновременным и постепенным сокращением американского влияния. Позднее реализация Европейского проекта была осуществлена под руководством Германии, правда, уже с другим результатом.

Евразия – огромное пространство, на котором исторически пересекались, сталкивались разные религии, культуры. Большая территория и многокультурность затрудняют достижение согласия и единства в решении разных вопросов. Разные страны имеют разный политический вес и влияние. Однако это не отменяет потребности в поддержании стабильного евразийского мироустройства. Несмотря на соперничество, идея межгосударственного сотрудничества выглядит продуктивной и своевременной. В данном контексте хотелось бы подчеркнуть социокультурный и территориальный ресурс, которым обладает Россия. Страна остается самой большой территориальной державой не только на евразийском пространстве, но и в мире. Географическое положение и размер создают предпосылки для ее геополитического влияния. «Растянувшись от Европы до Дальнего Востока, Россия сама по себе, как никакая другая страна, является моделью Евразии ... и делает идею Евразии как единого континентального органичного целого довольно рациональной» [Каплан, 2015, с. 193].

Один из основателей классической школы геополитики Рудольф Челлен находил Россию «центральной фигурой планетарной выставки», поскольку она является сферой пересечения двух больших культурных миров: Западной Европы и Восточной Азии. В силу этого она более других стран (США изолированы двумя океанами и стоят целиком на стороне Западной Европы) подходит для посреднической роли в межгосударственных отношениях. Нюанс в том, что сама по себе большая территория – недостаточный геополитический фактор. Показателем роли государства является то, что ни один крупный международный вопрос не может решаться без учета его мнения.

Небольшой штрих из отечественной территориально-географической истории. На протяжении практически всего своего развития, Россия была хотя и крупным, но преимущественно сухопутным игроком. Данное обстоятельство являлось и является важнейшим историко-географическим фактором и реальностью. Отсутствие открытого выхода к незамерзающему морю обусловило масштабные последствия. Огромное северное побережье, безопасное с геополитических позиций, но почти постоянно скованное льдом и малопригодное для жизни, не давало необходимых для развития преимуществ. Страна не имела свободного выхода к морю и, по сравнению с соседями, была более уязвимой с экономической и военной точек зрения. Американский военно-морской теоретик и историк, автор нескольких книг «о влиянии морской силы на историю» Альфред Мэхэн (1840–1914), отмечал, что «сухопутные державы постоянно находятся под угрозой. Без моря, которое бы их защищало, такие государства всегда испытывают тревогу и беспокойство и должны постоянно расширять свои границы, дабы кто-то извне не напал на их собственную территорию. Особенно это справедливо для России, с ее бескрайними степями и равнинами, которые не представляют естественных границ и не могут серьезно защитить от вражеского вторжения» [Каплан, 2015, с. 176].

Решение проблемы безопасности находилось через присоединение территорий, государств – завоеванием или мирным путем. В принципе, «история народов – это история занятия земель, будь то взятие ранее свободных или завоевание тех, что принадлежали другим» [Филиппов, 2008, с. 649]. Однако любое продвижение имеет основания. Исходно славяне жили и спасались от внешних угроз в лесах, но набеги степняков-кочевников обусловили продвижение и захват степных пространств. В XIX в. – противостояние притязаниям наполеоновской Франции, британским интересам и господству в Афганистане и Средней Азии («Большая игра»). В то время как такие морские державы, как Франция и Британская империя, расширялись за счет заморских территорий, Россия двигалась по суше. Как пишет Каплан, превалировало «чувство незащищенности: незащищенности любой сухопутной державы, которая вынуждена нападать сама, разрастаясь во всех направлениях, чтобы не исчезнуть» [Каплан, 2015, с. 186].

Вновь обратимся к истории, теперь уже с акцентом на культуру, которая в данном случае похожа на спираль или маятник. В современном звучании Европа ассоциируется с ее западной частью и культурой, сформированной Римом. В более широком понимании европейская цивилизация ведет свое начало от христианских традиций. Соответственно,

«к христианской традиции Европы принадлежат также Византия и ее русское ортодоксальное ответвление». Таким образом, в плане культуры, Европа «является более объемным определением, нежели просто Западная Европа», хотя она узурпировала название «Европа» [Бжезинский, 1998, с. 53-54].

Образование российского государства проходило на территории Европы, на ее восточной, а затем и пограничной части. Вопрос о самоидентификации «народ христианский, следовательно, принадлежит к европейской семье» был неуместен и просто не возникал. Исходная связь со скандинавскими племенами «своих князей Киевская Русь получила из Скандинавии», тесные торговые и брачные связи князей и княжон, начиная с первого поколения Ярославичей, лишь подтверждают близость Руси с Западной Европой, даже с такими отдаленными странами, как Франция и Англия [Кончаловский, 1997, с. 645]. Совместно создается единое культурное поле. Разность ветвей христианского вероисповедания на данном этапе не являлась значимым фактором культурного и политического разъединения.

Следующий важный период российского цивилизационного становления – ордынский, завоевание Руси кочевыми племенами Азии. Следствием почти трехсотлетней зависимости от Золотой Орды с ее культурой, принципами военного и имперского управления стало разрушение домонгольского пласта русской культуры, заимствование монгольских практик и фактически полный разрыв связей с Западной Европой. Последнему способствовал рост «могущества Литвы и Польши, ставших стеной между Европой и Россией». Результат – «во внутреннем своем быту Московская Русь остановилась на ступени варварства» [Кончаловский, 1997, с. 645]. Монголо-татарское завоевание привело к смещению государственного строительства вглубь континента из Киева на север и восток в Новгород, Смоленск, Москву.

Мощное движение в сторону цивилизационно более развитой Европы было предпринято Петром I. Оно обуславливалось необходимостью экономического развития, потребностью в освоении научных и технических достижений. Целью европейского вектора было стремление Петра I сделать Россию великой державой и игроком мировой политической жизни, которая в то время концентрировалась в Европе. Европейский статус России в дальнейшем был официально закреплен Екатериной II в 1767 г. в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в котором говорилось, что «Россия есть европейская держава».

Словами Пушкина, Петр I стремился «в Европу прорубить окно», но как пишет историк Д. П. Кончаловский (1878–1952), «образовавшаяся между ней и Россией стена продолжала стоять». Русские «одновременно и принадлежали к Европе в общей противоположности их Исламу и Востоку, и сами представляли противоположность Европе, как последователи византийского православия перед лицом римского католицизма» [Кончаловский, 1997, с. 645-647]. Несмотря на активные и многократные попытки быть принятыми, стать частью западной цивилизации, двойственность и настороженность не исчезли: «европейцы в России быстро и повально русели, а русские все никак не европеизировались». Более того, слова того же Александра Сергеевича в обращении к Европе «Зачем анафемой грозите вы России?»

ныне приобрели лишь большую очевидность. На сегодня можно констатировать «завершение эпического путешествия России на Запад», прекращение попыток «породниться с “хорошей семьей” европейских народов». «При внешнем подобии русской и европейской культурных моделей, у них несхожие софты и неодинаковые разъемы. Составиться в общую систему им не дано» [Сурков, 2018].

Вместо заключения – смена векторов

От активного сближения и вестернизации до прямой конфронтации с Западом – так можно охарактеризовать сегодняшнюю ситуацию. Геополитические обстоятельства задают восточный, азиатский разворот. Это не означает, что нас там очень ждут и что с восточными, азиатскими соседями отношения носили исключительно мирный и добрососедский характер. Тем не менее, восточное и азиатское направления евразийского сотрудничества оказываются наиболее перспективными. Возможно, таковыми они были и раньше, просто это было неочевидным.

Российский интерес к евразийскому, а точнее азиатскому, сотрудничеству прозаичен и прагматичен – Россия несет экономические и технологические потери от санкций, в целом от ухудшения отношений с Западом. Страна должна увеличить внутреннюю устойчивость и жизнеспособность. Для этого ей нужны партнеры, межгосударственные союзы, структуры и организации. Наиболее логично выстраивание добрососедских и взаимовыгодных отношений с соседними государствами. В этих условиях азиатско-восточное сотрудничество – это новый фактор и ресурс для экономического укрепления и политической мощи. Больше внимание к восточным регионам обращено и во внутренней политике страны. Согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» именно азиатской части России уделено особое внимание – опережающие среднероссийские показатели социально-экономического развития и достижение устойчивого прироста численности населения, постоянно проживающего на территории, в частности, Дальнего Востока.

Создавшаяся международная ситуация может послужить толчком для дальнейшего развития евразийского сотрудничества. Однако экономическое и политическое сотрудничество на евразийском пространстве возможно только в условиях внутреннего доверия, видения созидательных перспектив и своих точек роста. Задача – определить контуры потенциальных изменений и в соответствии с ними выстроить векторы межгосударственных объединений.

И еще один очень маленький, но существенный аспект: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея от своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая» [Герцен, 1958, с. 134]. Это выдержка из написанного А. И. Герценом в 1856 г. произведения «Былое и думы».

Вопрос в том, произойдет ли сегодня психологический отказ от европейской зависимости, выработается ли новая или припомнится прежняя идея, способная сплотить российское общество и расширить евразийское сотрудничество. Однако, в любом случае, «маятник качнулся». Слишком далеко или не очень покажет время.

Список литературы / References

Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска. Международные отношения*. М.
Brzezinski, Z. (1998). *Great chessboard. International relationships*. Moscow. (In Russ.)

Герцен, А. И. (1958). *Былое и думы*. М. ГИХЛ.
Herzen, A. I. (1958). *Past and thoughts*. Moscow. (In Russ.)

Каплан, Р. (2015). *Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного*. М. КоЛибри.

Kaplan, R. (2015). *Revenge of geography. What maps can tell about coming conflicts and the battle against the inevitable*. Moscow. (In Russ.)

Кончаловский, Д. П. (1997). *Россия и Европа. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков*. Сост. Н. Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М. С. 645-649.

Konchalovsky, D. P. (1997). *Russia and Europe. In search of their own path: Russia between Europe and Asia. Reader on the history of Russian social thought of the 19th and 20th centuries*. Fedorovsky, N. G. (comp.). 2th ed. Moscow. pp. 645-649. (In Russ.)

Маккиндер, Х. (2021). *Географическая ось истории*. Пер. В. Желнинов. М. Изд-во АСТ.
Mackinder, H. (2021). *Geographical axis of history*. Zhelninov, V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Окунев, И. Ю. (2012). *Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. Культурная и гуманитарная география*. Т. 1. № 2. С. 152-158.

Okunev, I. Yu. (2012). *Critical geopolitics and post-critical shift in the research paradigm of geopolitics. Cultural and humanitarian geography*. Vol. 1. no. 2. pp. 152-158. (In Russ.)

Сурков, В. (2018). *Одиночество полукровки. Россия в глобальной политике*. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/> (дата обращения: 07.05.2023)

Surkov, V. (2018). *Loneliness of the half-breed. Russia in global politics*. no. 2. [Online]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/> (Accessed: 07 May 2023). (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2008). К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта. *К. Шмитт. Нотос Земли в праве народов jus publicum europaeum*. СПб. Владимир Даль. С. 640-666.

Filippov, A. F. (2008). To the political and legal philosophy of space by Carl Schmitt. In *C. Schmitt. Нотос Land in the Law of the Peoples jus publicum europaeum*. St. Petersburg. pp. 640-666. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, профессор кафедры социальных и коммуникационных технологий Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, e-mail: gsolodova@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

После доработки: 02.06.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, Professor of the Department of Social and Communication Technologies, Siberian State University of Telecommunications and Information Science, e-mail: gsolodova@gmail.com.

The paper was submitted: 10.05.2023

Received after reworking: 02.06.2023

Accepted for publication: 15.06.2023